

НЕТЕРПЕНИЕ

Человек и время в творчестве

Мариэтты Шагинян

ДАВНО уже стало фактом: критика не поспевает за темпами работы Мариэтты Сергеевны Шагинян. Оценкам не суждено отстояться. Их непрерывно тревожит волна движения.

Так было в молодые годы писательницы. В восемнадцатом году Шагинян написала цикл из девяти пьес под общим названием «Театр». Девять пьес в один год — и какой год — весь на ветрах потрясений и битв! Александр Блок писал, что пьесы произвели на него сильное впечатление. А это уже серьезное признание.

Яростное нетерпение к работе, стремление все сделать, увидеть, успеть, оценить, запомнить живут в характере Мариэтты Сергеевны неизменно, не остывая.

Седьмой том собрания сочинений (1971—1975 годов) открывает краткое предисловие:

«Всякий раз, давая свои «два слова» перед очередным томом Собрания, приходится делать это в разгар очередной работы, и я начинаю остро жалеть, что вот такого-то выступления еще не успела сделать и оно не войдет в книгу. Так и сейчас, только что прочитав замечательные рассказы Валентина Катаева «Фиалка»... и Федора Абрамова «Старухи» (еще в рукописи), — отчаянно жалею, что не успею откликнуться на них в печати. А оба рассказа так нужны сейчас и так свежи!»

Почти у каждой темы, когда-то увлекшей писательницу, есть продолжение. Это как дорога в гору, к намеченному, зримому пределу. Впечатления растут, множатся и вдруг открываются далами пространства.

В КОНЦЕ тридцатых годов Мариэтта Сергеевна закончила свою первую повесть о Ленине «Билет по истории». Была жива еще Надежда Константиновна Крупская. Она прочитала черновую часть работы и очень скоро откликнулась на книгу письмом-рецензией:

«Читая Вашу рукопись, — писала Надежда Константиновна, — я почувствовала, насколько правильно подошли Вы к вопросу. Пожалуй, только опытный писатель может, на основе изучения материалов, дать картину той эпохи. Это имеет большое значение и с точки зрения исторической. Мне понравился не только Ваш замысел, но и сама рукопись...»

«Билет по истории» — лишь начало работы — захватывающей, увлеченной — на целые десятилетия, на всю последующую жизнь. Работы художника и ученого над своей Главной книгой. Эскиз романа (так обозначен жанр первой книги) вырос в эпопею, ставшую явлением в советской литературе.

В семьдесят втором году тетралогия о Ленине («Рождение сына», «Первая Всероссийская», «Билет по истории», «Четыре урока Ленина») была отмечена Ленинской премией. Но книга о Ленине — «Лениниана» — остается и сегодня незаконченной. Пишутся новые очерки, статьи, заметки. В них — новизна суждений и зоркость взгляда. Открытие все новых фактов, деталей в жизни и облике Ленина. Это — непроходящая, внутренняя потребность писать и писать. Воодушевление темой — насквозь, до конца. Впрочем, школьное слово «тема» неточно. Не темой — всем существом, всей жизнью Ленина.

Характер Мариэтты Сергеевны Шагинян — прямой, правдивый, бунтующий против штампов и упрощений. Я говорю не только о впечатлении от прочитанного...

Читатели «Комсомолки» помнят статью Мариэтты Сергеевны «Слово о Ленине», напечатанную в праздничном, октябрьском номере в семьдесят шестом году. Как всегда загруженная работой, писательница все-таки согласилась написать эту статью. Мы послали Мариэтте Сергеевне наши вопросы-анкету. Были убеждены, что это ускорит дело. Раздается звонок:

— Я согласна написать статью... Но, понимаете, я не могу отвечать на отдельные вопросы. Вы спрашиваете, что именно самое интересное в облике Ленина для меня, какой эпизод или какой труд считаю самым важным и так далее. Но ведь Ленин — необычайно цельный человек. Я не могу получаемую от него силу воздействия разрывать на части...

А через несколько дней мы напечатали статью-очерк писательницы. Заканчивалась статья словами, которые Мариэтта Сергеевна не устаёт повторять:

«Прикасайтесь к Ленину, молодежь! Получайте от него, от его ясновидения истории зарядку веры в завтрашний день. И по Ленину старайтесь видеть жизнь вокруг, работать с прочным ориентиром на трудовой народ, на рост его политического и нравственного сознания!»

ДЕНЬ, бегущий к восходу солнца и затем уходящий вдале, к закату, побуждает почти к ученическому прилежанию.

А для чего все это? Для чего это нетерпение к работе, жажда творчества, невозможное желание все успеть? Обладая редким даром художника и ученого погружаться в глубины явления, надо ли мгновенно переключаться, молниеносно реагировать на злобу дня, на бегущий день, на сотни пронесшихся фактов? Для чего это — жить непременно по жесткому заданию: двигаться, двигаться, двигаться? Взбираться, как она скажет, на «хребты пятилеток», писать очерки о нефтяниках, хлелоборах, строителях, спорить с экономистами и производственниками, жить в ритме газетной журналистики и тут же уйти в тишину библиотек, отважиться на сложнейший музыкаведческий труд, воскресить из мертвых, из забытия чешского композитора Мыслевка? Неужели только для того, чтобы как можно больше впечатлений замкнуть в себе? Нет, конечно. Здесь иные мотивы. Книга за книгой, строка за строкой, весь творческий путь Шагинян есть эмоциональное выражение любви к жизни, к новому миру, новому человеку, художественная летопись движения народа к человеческому счастью. Книжки дышат воздухом социалистических преобразований.

В канун революции Мариэтта Шагинян писала в стихотворении «Ода времени»:

За голубым его теченьем,
Подобным Млечному Пути,
Суди грядущим поколениям
Опять грядущее найди!

После Октября Шагинян стала автором Поэмы о найденном грядущем, о воплощенном мечте.

Идеи, образы, впечатления не слагаются, как гербарий, — цветок к цветку. У них творческая биография.

НЕ ЗНАЮ, фотографировалась ли Мариэтта Сергеевна на фоне производственного пейзажа. Наверное, есть такие снимки. И это не декорации к творчеству. Писательница вправе определить стержень одной из своих очерковых книг словами: движение за поднятие производительности труда. На стройку Шагинян ехала только для работы,

для дела. Прежде чем написать свою знаменитую «Гидроцентральный», сама стала участником строительства Дзорог в Армении. Жила на стройке дни, месяцы. И не только как журналист и писатель, но и как организатор-производственник. За это и получила орден Трудового Красного Знамени. Я говорю не о факте истории, а называю пример для подражания.

Как и прежде, писательница работает напористо, уверенно, почти без пауз.

«Нет паузы, каждый километр вашей жизни вызывает к вам, требует внимания...»

И еще: «Растущий коралл мягок; он затвердевает, когда перестает расти».

Ну, что говорить, как и всякого человека, с годами болезни все чаще отвлекают ее от работы, огорчают, заслоняя путь к письменному столу. Мариэтте Сергеевне исполняется девяносто лет. Болезни утяжеляют работу, но, к счастью, не отнимают ее. Творческое поведение становится мужеством. Это долготелое ясное ума, философского интеллекта, энергичного темперамента. Ни в мыслях, ни в стиле, ни в интонациях, ни в памяти Мариэтты Сергеевны нет ничего устаревшего, неловкого и некстати сказанного.

ВРЕМЯ никогда не ощущалось Шагинян как застывшая пленка.

Писательница остро и точно ощущает непрерывность времени, его течение, его глубинную устремленность и многозвучность. С давних лет она научилась делать его предельно наполненным, рабочим. Каждый день, например, ведется запись в дневнике. Дневник стал формой строгого контроля, как бы испытующим взглядом времени. Чтобы сделать какую-то запись, нужно день прожить насыщенно, с толком, что-то узнать, написать. Если нечего записать, значит, день прожит зря, впустую. Возникает недовольство собой, желание спланировать следующий день иначе. Это чувство — недовольство собой — Мариэтта Сергеевна называет не менее важным, чем счастливое чувство удовлетворения после творческой работы. Его надо воспитывать в себе. Оно совершенствует жизнь, поведение, снимает позолоту благодушия и успокоенности.

С ГОДАМИ стиль произведений становится все гуще, напряженнее, ассоциации гибче и разветвленнее, богаче

оттенками. Это стиль отчетливых жизненных очертаний, отрицающий всяческую надуманность, искусственную, сухую расфасовку слов и фраз. В чем убеждает и новая книга «Человек и время».

Кажется, нет в литературе жанра, который бы не испытала Шагинян. Испытала на жизненность и глубину. Смена жанров — это смена творческих замыслов. Идея диктует нужную форму. Но вот форма получает необычный облик: «И мне пришлось в голову сделать простейшую вещь: рассказать читателю именно о том, как постепенно двигалось мое исследование. Так родился жанр, названия которому не могу дать, потому что сама его не знаю». Все творчество, как повесть-исследование. Темы сближаются в единый том, в общую книгу: историю находок и узнаваний, поправок и уточнений, смелых решений, неожиданных выводов. Мы идем за событиями и судьбами, как изыскатели. Но не менее важно чувствовать и понимать, как живет мысль автора. Ее не надо собирать в тексте по частям.

Мысль смело ориентируется в жизненном разномыслии — социальном, философском, этическом, педагогическом, эстетическом, и стрелка ее компаса всегда знает верное направление пути — «куда», что совсем не исключает творческих испытаний и напряжения. Мысль становится героем произведения — со своей судьбой и сложно, драматично, через ошибки и трудности идет к цели, к истине.

В романе «Рождение сына» Шагинян посвятила восторженные строки Лобачевскому — математику и педагогу, вызванные его выступлением о методике воспитания юношества: «И сколько еще необыкновенных мыслей заложено было в этой речи! О том, что человек может и должен жить до двухсот лет. О том, что жизнь сокращается от незнания человеком меры, от невежества — от невежества! И «наставник юношества» должен помнить все это, должен формировать совершенного человека, его вкус, его умение наслаждаться жизнью, умение знать меру и «чувствовать непрестанно новое», потому что «единообразное движение мертво» и «покой приятен после трудов».

Эти слова не только о Лобачевском, но и о себе, о своей жизни.

И. ЖУКОВ.